

Значение происшедшего в Москве: оружие «несмертельного действия» и международное право в начале XXI века

Дэвид П. Фидлер

Дэвид П. Фидлер преподает право и ведет научные исследования на факультете имени Гарри Т. Айса, Университет Индианы, юридический факультет, Блумингтон, США.

Краткое содержание

Так называемое «нелетальное» оружие – интереснейшая тема, находящаяся на стыке новейших оружейных технологий и международного гуманитарного права. В настоящей статье анализируются взаимоотношения между оружием «несмертельного действия» и международным правом в начале XXI века. В центре внимания автора – самый известный на сегодняшний день инцидент в короткой истории дебатов вокруг оружия «несмертельного действия», связанный с применением временно обездвиживающего химического соединения (инкапаситанта) при освобождении заложников в московском театральном центре в октябре 2002 г. Эти трагические события показали, что быстрый технический прогресс будет и дальше остро ставить перед международным правом вопросы, связанные с разработкой и использованием новых видов оружия, однако по сравнению с применением международного гуманитарного права в прошлом возникнут новые сложности из-за

их возросшей политизированности, юридической запутанности и этической неоднозначности.

Разобраться в том, что произошло в Москве

За последние десять лет так называемое оружие «несмертельного действия» (ОНСД) стало одним из интереснейших объектов изучения, возникших на стыке новейших оружейных технологий и международного гуманитарного права (МГП). Технологические, военные, политические, правовые и этические аспекты ОНСД привлекли пристальное внимание и вызвали оживленные дискуссии¹. Расширение масштабов этой дискуссии, ее растущая интенсивность и усложнение обсуждаемых вопросов показывают, что речь идет не о каком-то случайном явлении, проявившемся сразу после окончания «холодной войны». Рассматривая вопрос о том, каким образом право среагировало на появление технологий, которые их сторонники считают иными, чем технологии оружия «убивающего», было бы уместным проанализировать, как ОНСД со стыковывается с международным правом вообще и международным гуманитарным правом в частности. В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать взаимоотношения между оружием «несмертельного действия» и международным правом в начале XXI века – прежде всего на примере самого значительного события в пока еще короткой истории дискуссии вокруг ОНСД. Мы имеем в виду применение инкапситаганта в целях пресечения нападения террористов на театральный центр в Москве в октябре 2002 г.

Появление новых видов оружия часто обусловлено историческим моментом, а в их применении зримо отражаются политические, юридические и этические вопросы, которые до того рассматривались лишь умозрительно. Использование химического оружия на полях сражений Первой мировой войны до сих пор влияет на восприятие этого оружия нашими современниками. Аналогичным образом биологическое оружие до сих пор ассоциируется с ужасами японских эксперимен-

1 Об ОНСД уже существует довольно обширная литература. Библиография по ОНСД скомпилирована библиотекой Университета ВВС США на военно-воздушной базе Максвелл, см. Non-Lethal Weapons, August 2004, по адресу <http://www.au.af.mil/au/aul/bibs/soft/non-lethal.htm>. Обновление библиографии см. в периодически публикуемых отчетах Исследовательского проекта по оружию несмертельного действия Брэдфордского университета. См. на сайте http://www.brad.ac.uk/acad/nlw/research_reports/ (последнее посещение – 22 июня 2005 г.).

тов с ним в Китае перед Второй мировой войной и во время нее. За ядерным оружием все еще тянется шлейф разрушительных атомных взрывов в Хиросиме и Нагасаки в августе 1945 г. На момент написания данной статьи самым значительным событием из реальной жизни, повлиявшим на дискуссию вокруг ОНСД, остается применение химического инкапсита в Москве в 2002 г. Хотя московский инцидент напрямую соотносится с темами, поднимаемыми в рамках дискуссии о химическом оружии несмертельного действия, он имел более широкие последствия для рассматриваемых в настоящей статье взаимоотношений между разработками в области ОНСД и международным правом.

В начале статье мы показываем, как дискуссия об ОНСД и международном праве развивалась до инцидента в Москве. В тот период многие исследователи, в том числе и автор этого материала^{2,3}, анализировали разработку и применение различного ОНСД с точки зрения действующего международного права, особенно международного права контроля над вооружениями, а также МГП. В ходе дискуссии выявились противоречия между сторонниками ОНСД и скептиками относительно роли международного права в разработке данного оружия и его применении. Однако в отсутствие реальных событий и конкретной информации диалог между сторонниками ОНСД и скептиками носил абстрактный характер, а их рассуждения относились в большей степени к сфере умозрительных построений, чем к эмпирическому анализу⁴.

Далее в статье рассказывается об инциденте в московском театральном центре и показывается, как порожденный им кризис превратил абстрактные рассуждения в практический вопрос жизни и смерти с далеко идущими последствиями. Одним из важнейших последствий происшедшего в Москве стало привлечение внимания к тому, как Конвенция о химическом оружии (КХО)⁵ регламентирует использование химических инкапсита в правоохранительных целях. Этот аспект КХО рассматривается в настоящей статье в свете того, что произошло в Москве.

2 David P. Fidler, «The international legal implications of 'non-lethal' weapons», *Michigan Journal of International Law*, Vol. 21, 1999, pp. 51–100.

3 David P. Fidler, «Non-lethal' weapons and international law: Three perspectives on the future», *Medicine, Conflict and Survival*, Vol. 17, 2001, pp. 194–206.

4 Например, в 1999 г. я писал: «Ввиду того, что разработка оружия «несмертельного действия» и его освоение, в том числе стратегическое, вооруженными силами находятся на зачаточной стадии, международно-правовой анализ осуществляется в условиях вакуума прецедентов, в результате чего он приобретает абстрактный, а иногда и спекулятивный характер». Fidler, *op. cit.* (примечание 2), p. 55.

5 Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении, 13 января 1993 г. (далее – КХО), *Бюллетень международных договоров*, № 4, 1998 г.

До событий в Москве: дискуссия о ОНСД и международном праве

Международно-правовые аспекты разработки и применения ОНСД стали предметом обсуждения только во второй половине 1990-х гг. в ответ на возросший интерес к ним со стороны военных во всем мире, и прежде всего в США. И до того оружие, разрабатывавшееся или преподносившееся как «менее летальное», регламентировалось международным правом. Так, «нелетальные» средства подпадали под действие договоров о биологическом, химическом и обычном оружии. Конвенцией о биологическом и токсинном оружии (КБО) была запрещена разработка биологического оружия «несмертельного действия», причем независимо от назначения: против живой силы или материальных средств⁶. КХО запретила разработку и применение химического оружия, определение которых охватывает токсичные химикаты, могущие вызвать временный инкапацирующий эффект⁷. Кроме этого, КХО запрещает использовать химические средства борьбы с беспорядками в качестве средства ведения войны⁸. В 1995 г. государства добавили к Конвенции ООН о конкретных видах обычного оружия Протокол, запрещающий применение лазерного оружия, специально предназначенного для того, чтобы причинить постоянную слепоту⁹.

Хотя эти примеры показывают, что оружие несмертельного действия является объектом регулирования со стороны международного права, последнее до середины 1990-х гг. прошлого века не выделяло специально данные средства в качестве отдельной темы. Возросший интерес к ОНСД со стороны вооруженных сил и, в меньшей степени, правоохранительных органов¹⁰ во второй половине 1990-х гг. стимулировал международно-правовой анализ ОНСД как новой категории оружия (см. Таблицу 1 с описанием технологий). Эксперты откликнулись на заявления, согласно которым между этим оружием и тем, что

6 Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, 10 апреля 1972 г. (далее – КБО), *Международное право. Ведение военных действий. Сборник Гаагских конвенций и иных соглашений*. Международный Комитет Красного Креста. Москва, 1999, с. 310–315.

7 КХО, статьи I(1) и II(2).

8 КХО, статья II(5).

9 Протокол об ослепляющем лазерном оружии (Протокол IV) к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие от 1980 г. *Международное право. Ведение военных действий. Op. cit.*, с. 307.

10 Несомненно, ко второй половине 1990-х гг. XX века ОНСД были уже хорошо известны правоохранительным органам, которые издавна применяли такое оружие, как пластиковые пули, нелетальные боеприпасы останавливающего действия типа *bean-bag*, средства борьбы с беспорядками, водяные пушки и дубинки. Однако в практическом плане интерес правоохранителей к ОНСД стимулировала позиция военных, которые начали более серьезно рассматривать перспективу освоения таких оружейных технологий.

международное право издавна пытается регламентировать посредством договоров о контроле над вооружениями и МГП, существует не только технологическое, но и этическое различие.

Таблица 1. Основные технологические сегменты ОНСД¹¹

Технология ОНСД	Примеры
Кинетическая энергия	Боеприпасы ударного действия (резиновые, деревянные и пластиковые пули, останавливающие боеприпасы типа bean-bag round, водяные пушки, резиновые аэродинамические ударные кольца)
Препятствия и заграждения	Средства для замедления продвижения или остановки наземных транспортных средств или судов (например, сети, цепи, шипы, быстро твердеющая пена)
Электрическое	Электрошоковое оружие, блокирующее мышечную систему (например, электрошокеры типа «Taser», телескопическая электрошоковая дубинка, экзоскелетное снаряжение с шоковым действием, электрошоковое оружие неконтактного действия (например, электрошоковая винтовка ближнего боя), оружие с плазменно-лазерной накачкой
Акустическое	Акустические генераторы, акустические пушки, «дальнобойные» акустические устройства
Направленная энергия	Микроволновое оружие высокой мощности, миллиметровые волны, лазеры, импульсно-энергетическое оружие
Химическое	Средства борьбы с беспорядками, зловонные вещества (малодоранты), суперфрикционные составы, боеприпасы для постановки аэрозольной завесы, клейкая пена, средства поражения материальных средств, дефолианты/гербициды
Химическое/биохимическое	Успокаивающие средства, конвульсанты, инкапаситанты
Биологическое	Микроорганизмы, выводящие из строя технику, биологические средства поражения растений

11 Nicholas Lewer and Neil Davison, «Non-lethal technologies: An overview», *Disarmament Forum*, 2005, pp. 37-51; Neil Davison and Nicholas Lewer, *Bradford Non-Lethal Weapons Research Project Research Report No. 7*, May 2005; and Neil Davison and Nicholas Lewer, *Bradford Non-Lethal Weapons Research Project Research Report No. 6*, October 2004.

Технология ОНСД	Примеры
Комбинированные технологии	Светозвуковые гранаты, кинетико-химические и оптико-химические средства для разгона толпы
Средства доставки	«Нелетальные» боеприпасы (например, минометные мины), наземные мины, роботизированные транспортные средства, инкапсуляция/микроинкапсуляция

Обсуждение последствий разработки и применения ОНСД для международного права выявило острые противоречия. Вообще говоря, магистральное направление развития международного права в том, что касается оружейных технологий, в конце XIX века и большей части XX века состояло в выработке и применении норм, регламентирующих все более разрушительные и смертоносные вооружения¹².

Однако «оружие несмертельного действия» в эту схему не укладывается. Согласно определению Министерства обороны США, ОНСД – оружие, «специально предназначенное и применяемое главным образом для выведения из строя живой силы или техники, сводящее к минимуму смертельные случаи, постоянный ущерб здоровью, равно как и нежелательный ущерб имуществу и окружающей среде»¹³. При таком определении ОНСД согласуется с декларированной МГП целью гуманизировать вооруженные конфликты¹⁴. Кроме этого, разработка ОНСД в известной степени стимулировалась ограничениями, налагаемыми МГП на действия военных сил, участвующих в нетрадиционных операциях, например, миротворческих. При таком видимом совпадении интересов казалось, что военные и юристы, специализирующиеся в области международного гуманитарного права, вполне могут договориться о совместном признании этих новых оружейных технологий.

12 Самый наглядный пример тому проблема ядерного оружия с точки зрения МГП – эта тема рассматривалась в 1996 г. в Консультативном заключении Международного суда относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения. Distr. GENERAL A/51/218, 19 July 1996.

13 Policy for Non-Lethal Weapons, US Department of Defense Directive No. 3000.3, para. C (9 July 1996). См. также NATO Policy on Non-Lethal Weapons, NATO, 13 October 1999, см. на сайте. <http://www.nato.int/docu/pr/1999/p991013e.htm> (последнее посещение – 22 июня 2005 г.) («Оружие несмертельного действия – оружие, разработанное специально для выведения из строя живой силы или недопущения ее продвижения с малой вероятностью смертельных случаев, причинения постоянного ущерба здоровью либо для выведения из строя техники с минимальными нежелательными последствиями или ущербом для природной среды»).

14 Jonathan D. Moreno, «Medical ethics and non-lethal weapons», *American Journal of Bioethics*, Vol. 4, 2004, p. W1 (автор пишет, что «похоже, ОНСД согласуется с одним из требований блаженного Августина к справедливой войне, а именно: применять силу можно лишь в той мере, в какой это необходимо для выполнения задачи»).

Однако единодушия так и не достигли. Аргументы сторонников ОНСД воспринимались скептически политическими аналитиками, юристами-международниками и международными гуманитарными организациями¹⁵. Многие тогда задавались вопросом, почему эти специалисты возражают против более гуманных методов ведения войны и осуществления миротворческих операций. Несмотря на свой упрощенческий характер, этот вопрос мог выставить в невыгодном свете тех, кто не проявлял энтузиазма по поводу ОНСД. Ответом скептиков стало перечисление нерешенных вопросов – ответить на них надлежало международному праву, для того чтобы данное оружие могло быть развернуто на законных основаниях¹⁶. Глубину противоречий между приверженцами ОНСД и скептиками нагляднее всего иллюстрируют споры вокруг самого наименования «оружие несмертельного действия»¹⁷. По мнению сторонников, это наименование отражает технологическое и этическое отличие ОНСД от других видов оружия. Скептики же возражали, утверждая, что такое название вводит в заблуждение, потому что наделяет оружие моральным статусом просто в силу его технологических характеристик, а не на основании правового и этического анализа того, почему, как и когда применяется это оружие.

Это разногласие нашло отражение в обсуждении данной проблемы юристами-международниками, убежденные в этической отличности ОНСД, они ставили под вопрос международно-правовые нормы, ограничивающие его разработку и применение, и указывали на необходимость подумать об их изменении. Многие сторонники ОНСД высказывались за внесение поправок в договоры, ограничивающие их

- 15 Среди широко известных первых критических выступлений следует упомянуть Malcolm Dando, *A New Form of Warfare: The Rise of Non-Lethal Weapons*, Brassey's, London, 1996; Nicholas Lewer and Steven Schofield, *Non-Lethal Weapons: A Fatal Attraction?*, Zed Books, London, 1997; and Robin Coupland, «Non-lethal weapons: Precipitating a new arms race», *British Medical Journal*, Vol. 315, 1997, p. 72.
- 16 Например, Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, 8 июня 1977 г., обязывает государства-участники проверять законность любых новых средств и методов ведения войны (статья 36). *Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним*. Москва, Международный Комитет Красного Креста, 2001. Об этой обязанности см. Изабелла Дауст, Робин Куллэнд и Рикке Исхой, «Новые войны – новое оружие? Обязанность государств проверять законность средств и методов ведения войны», *Международный журнал Красного Креста. Сборник статей. 2002 год*, с. 99–120; Justin McClelland, «The review of weapons in accordance with Article 36 of Additional Protocol I», *International Review of the Red Cross*, Vol. 85, No. 850, June 2003, pp. 397–415.
- 17 О дискуссии по поводу термина «оружие несмертельного действия» см. Brian Rappert, *Non-Lethal Weapons as Legitimizing Forces? Technology, Politics and the Management of Conflict*, Frank Cass, London, 2003, pp. 17–34.

разработку¹⁸. В первую очередь речь шла об ограничениях, накладываемых на разработку «нелетального» биологического и химического оружия КХО и КБО.

При этом среди аргументов, приводимых приверженцами ОНСД, иногда просматривались и более радикальные идеи. Так, они предлагали пересмотр исторически сложившихся моральных рамок развития международного права вооруженных конфликтов с целью включения в них и признания новых военных и этических контекстов, ставших возможными благодаря технологиям ОНСД¹⁹. Такую радикальную перспективу можно оценить на примере потенциального воздействия ОНСД на норму традиционного международного гуманитарного права, запрещающую преднамеренно применять оружие против гражданского населения²⁰. Пропаганда в пользу ОНСД поставила также вопрос о том, насколько это запрещение обосновано с моральной точки зрения в условиях, когда растет вероятность вооруженных конфликтов в городской среде. Разве применение ОНСД международными силами в ситуациях, когда оказываются перемешанными комбатанты и некомбатанты, не позволит сократить число погибших среди гражданских лиц по сравнению с потерями, которые они бы понесли, если бы военные силы применяли только «летальное» оружие, притом что попытки отличить комбатантов от некомбатантов практически обречены на провал и невыгодны с военной точки зрения?²¹

Убежденные в том, что ОНСД – просто оружие без какого бы то ни было особого этического статуса, скептики, опираясь на действующее международное право контроля над вооружениями, применения силы и вооруженных конфликтов, а также на право прав человека, доказывали, что это оружие порождает массу серьезных юридических и моральных проблем, которые не должны быть заслонены «нелетальной» риторикой. Они же требовали, чтобы разработка и применение ОНСД основывались на существующем и будущем международном

18 В более ранней публикации я связал эти аргументы с «перспективой избирательных изменений». Fidler, *op. cit.* (примечание 3), pp. 199–201.

19 В более ранней публикации я охарактеризовал эту позицию как «перспективу радикальных изменений». Fidler, *Ibid.*, pp. 201–204.

20 Robin Coupland, «'Calmatives' and 'incapacitants': Questions for international humanitarian law brought by new means and methods of warfare with new effects», in Davison and Lewer 2004, *op. cit.* (примечание 11), p. 35, p. 38 («Еще одним серьезным поводом для беспокойства, связанным с ОНСД, стало предложение его сторонников разрешить вооруженным силам их использование против гражданского населения, когда это необходимо»).

21 Jefferson D. Reynolds, «Collateral damage on the 21st century battlefield: Enemy exploitation of the law of armed conflict, and the struggle for a moral high ground», *Air Force Law Review*, Vol. 56, 2005, p. 1, pp. 99–100 («Возможно, ОНСД – самое перспективное из всех видов оружия для применения против неприятельских комбатантов, находящихся среди гражданских лиц»).

праве²². Их позиция возобладала в споре со сторонниками ОНСД, считавшими, что основополагающие международно-правовые нормы следует изменить или вовсе отменить, чтобы «нелетальное» оружие получило право на существование. Особая озабоченность выражалась по поводу ОНСД, которое потенциально могло подорвать КБО и КХО²³.

При этом и сторонники, и скептики признавали, что споры вокруг взаимоотношений «нелетального» оружия и международного права касались в основном технологий будущего, а не ОНСД, готового к употреблению во второй половине 1990-х годов и в начале нового столетия. Конечно, дискуссия охватывала пластиковые пули и другие останавливающие боеприпасы, опутывающие сети, калыгропы, полицейские спецсредства, светозумовые гранаты и другие подобные технологии, и сторонников, и противников ОНСД в первую голову интересовали не эти низкотехнологичные изделия с малой дальностью действия, основанные преимущественно на механических, химических и кинетических принципах. На самом деле спор велся вокруг арсенала в духе научно-фантастических боевиков о Баке Роджерсе, то есть более совершенного оружия будущего, эффективнее использующего кинетические, акустические, электрические, электромагнитные, биологические, химические и другие принципы, включая нанотехнологию²⁴.

По этой причине споры приверженцев ОНСД и скептиков о том, как применение «нелетального» оружия скажется на вооруженных конфликтах, больше всего напоминали гадание на хрустальном шаре. Сторонники утверждали, что потери на полях сражений сократятся, а скептики предупреждали, что ОНСД превратится в довесок к оружию убивающему, так что потеря станет не меньше, а больше. С международно-правовой точки зрения такие рассуждения воспринимались по-разному, в зависимости от «плотности» международно-правового режима для соответствующей технологии. Самые «концентрированные» режимы запрещали разработку и применение такого оружия. Так обстояло дело с общим запрещением биологического и химического оружия.

Менее концентрированные режимы не предусматривали запрещения тех или иных конкретных технологий и основывались на при-

22 В более ранней публикации я назвал это «перспективой соблюдения». Fidler, *op. cit.* (примечание 3), pp. 198–199.

23 «Non-lethal weapons, the CWC and the BWC», *CBW Conventions Bulletin*, № 61, September 2003, p. 1 («по мере роста инвестиций в технологии производства ОНСД все более насущной становится необходимость признать угрозу, которую оно создает для режима КХО и КБО»).

24 Center for Responsible Nanotechnology, *Dangers of Molecular Manufacturing*, на сайте <http://www.crnano.org/dangers.htm#arms> (последнее посещение сайта – 22 июня 2005 г.). Там описываются возможные последствия разработки нанотехнологического оружия.

менении общих норм к разработке и использованию соответствующих видов оружия. Например, ни один договор не регламентирует непосредственно разработку и применение микроволнового оружия. Однако МГП распространяет на любое использование микроволнового оружия общие нормы, в том числе и требование проводить различие между комбатантами и некомбатантами²⁵ и не причинять комбатантам чрезмерных повреждений и излишних страданий²⁶. Поскольку ни нового оружия, ни эмпирических данных по его применению еще не было, разговоры об ОНСД в сферах, где режим международно-правового регулирования был наименее «плотным», в наибольшей степени носили умозрительный характер – нередко потому, что результаты анализа зависели от того, чего на самом деле хотели военные, и от предпринимаемых ими действий.

Однако «гадание на хрустальном шаре» имело два последствия, вынудившие приверженцев ОНСД занять оборонительную позицию. Принятие решения о разработке технологий нового поколения в большой степени зависело от их «несмертельности». Невозможность доказать эмпирически, что новое оружие будет «несмертельным», ослабляло этические аргументы в пользу его разработки. Данных о воздействии на человека самых распространенных или предлагаемых типов ОНСД либо не имелось совсем, либо они были скудны, либо не подтверждали заявления об их «несмертельном действии»²⁷. Так что в результате действий самих приверженцев ОНСД дискуссия приняла такой оборот, когда от них стали требовать установить последствия применения этого оружия для человеческого организма. Ввиду того, что ими был установлен своего рода этический порог, за проведение НИОКР предстояло заплатить, и ценой должны были стать эмпирические данные²⁸.

25 Jean-Marie Henckaerts, «Study on customary international humanitarian law: A contribution to the understanding and respect for the rule of law in armed conflict», *International Review of the Red Cross*, Vol. 87, No. 857, March 2005, p. 175, p. 198 (там указывается, что, согласно обычному МГП, «стороны, находящиеся в конфликте, должны всегда проводить различие между гражданским населением и комбатантами. Нападения могут быть направлены только против комбатантов. Гражданские лица не должны являться объектом нападений»).

26 *Ibid.*, p. 204 (согласно обычному МГП, «запрещается применять средства и методы ведения войны, способные причинить излишние повреждения или излишние страдания»).

27 Fidler, *op. cit.* (примечание 2), p. 62 (там описываются исследования конца 1990-х гг., результаты которых показывают, что ни один из типов существующего ОНСД не может считаться отвечающим критериям «нелетальности»). Более свежие описания воздействия ОНСД на здоровье см. в Lewer and Davison, *op. cit.* (note 11), pp. 48-49; Davison and Lewer 2005, *op. cit.* (примечание 11), pp. 28.

28 Некоторые защитники ОНСД высказывали недовольство таким выпячиванием отсутствия информации о последствиях применения этого оружия для человека. См. Davison and Lewer 2005, *op. cit.* (note 11), p. 21 (здесь рассматривается позиция приверженца ОНСД Джона Александера, который отмечает «выражения озабоченности относительно недостаточности данных о воздействии этого оружия на организм человека»).

Второе следствие вытекало из этических претензий защитников ОНСД. Если «нелетальное» оружие выглядит предпочтительнее с этической точки зрения, – спрашивали себя некоторые эксперты, – не накладывает ли это на правительства морального обязательства сначала использовать такое оружие и только потом прибегать к «убойной силе»? Приверженцы ОНСД на этический аргумент отвечают юридическим: международное право не требует, чтобы в вооруженном конфликте применению «убивающего» оружия предшествовало применение средств «несмертельного действия»²⁹. Такой юридический аргумент с точки зрения международного права возражений не вызывает, однако этический аспект остается нераскрытым, а свести его можно к следующему вопросу: допустимо ли выступать за разработку предпочтительного с этической точки зрения оружия и не предусматривать при этом морального обязательства использовать это оружие до применения «убойной силы»? Конечно, данный вопрос оставляет в стороне многое из того, что с моральной точки зрения необходимо учитывать при выборе оружия, однако он высвечивает этические несообразности в позиции приверженцев ОНСД. Такие этические вопросы в сочетании с отсутствием эмпирических данных о воздействии ОНСД на человека создавали для их приверженцев трудности в международно-правовой дискуссии.

Когда обсуждение темы оружия несмертельного действия во второй половине 1990-х гг. приобрело более или менее систематический характер, стало ясно, что в первом раунде ни одной из сторон не удалось добиться преимущества и что обе охотнее всего обсуждали вопросы, связанные с более высокотехнологичным ОНСД будущего. Несмотря на возросшее число конференций, статей, книг и докладов по этой теме, не хватало события, которое придало бы остроту вопросам, обсуждаемым сторонниками и противниками ОНСД, и сделало бы их интересными для более широких политических кругов.

И вот в октябре 2002 г. чеченские террористы захватили театральный центр в Москве.

29 NATO, *op. cit.* (примечание 13) «Ни существование, ни наличие, ни возможные последствия применения ОНСД не создают обязательства использовать «нелетальное» оружие и не устанавливают более высоких требований или дополнительных ограничений в том, что касается использования убойной силы». См. в то же время Davison and Lewer 2005, *op. cit.* (примечание 11), p. 27 (здесь приводится аргументация Дэвида Коплоу, юриста и специалиста в области ОНСД, считающего, что нынешнее состояние международного права в данной области «вряд ли долго продержится», и предсказывающего, что «в будущем ОНСД действительно, поднимет порог применения убойной силы»).

События в Москве: фентаниловый туман

Захват чеченцами театрального центра в Москве во время показа спектакля «Норд-Ост» и взятие ими 830 заложников вызвали кризис, конец которому был положен российскими силами безопасности – закачали в помещения театра химический инкапаситант, являющийся, как считают, производным от наркотического соединения фентанила, а затем штурмовали здание. В результате все террористы были убиты и сотни заложников были спасены. Однако от фентанила погибли около 130 заложников – процент потерь вдвое превышает таковой от применения «смертельных» отравляющих веществ на полях сражений Первой мировой войны³⁰. Применение химического инкапаситанта для разрешения кризиса с заложниками в Москве произвело на дискуссию об ОНСД и международном праве эффект разорвавшейся бомбы.

Использование русскими фентанила имело для дискуссии два непосредственных последствия. Во-первых, оно подняло статус спора об инкапаситантах как потенциальном ОНСД. Как будет показано ниже, происшедшее в Москве привлекло внимание к тому, каким образом КХО регламентирует применение подобных химикатов. Московские события заставили более четко осознать значение – как с политической, так и с юридической точки зрения – связи КХО с химическими инкапаситантами, что повысило значимость этого аспекта дискуссии об ОНСД и международном праве.

Во-вторых, московский кризис, если можно так сказать, «напустил фентанилового тумана», потому что применение химического инкапаситанта снабдило материалом обе стороны и вовсе не прояснило спорные вопросы, а, скорее, еще больше их запутало. По мнению приверженцев ОНСД, случившееся в Москве – как раз тот сценарий, который делает необходимым более глубокое осмысление роли ОНСД. Сочетание инкапаситанта фентанила и традиционных силовых методов позволило спасти большинство заложников. С помощью одних силовых методов такого результата достичь было нельзя. Люди были спасены, потому что удалось объединить нелетальные и летальные средства. Исходя из прогнозов относительно угрозы терроризма после 11 сентября 2001 г., приверженцы ОНСД расценили события в Москве как аргумент в пользу более энергичной разработки ОНСД для целей нетрадиционной правоохранительной деятельности, безопасности и отражения военных угроз.

30 Alexander Kelle, «Science, technology and the CBW control regimes», *Disarmament Forum*, 2005, p. 8, p. 10. О проблемах со здоровьем у бывших заложников два года спустя см. Anna Rudnitskaya, «Nord-Ost tragedy goes on», *The Moscow News*, Issue No. 41, 2004, на сайте <http://english.mn.ru/english/issue.php?2004-41-2> (последнее посещение – 22 июня 2005 г.).

В то же время происшедшее в Москве укрепило и позицию скептиков. Высокая смертность от фентанила показала, что химические инкапаситанты не могут рассматриваться как «нелетальные». Применение фентанила в условиях, когда невозможно было контролировать ни дозировку, ни продолжительность его воздействия, привело к довольно высокому проценту смертельных исходов среди тех, кто подвергся его действию. Эти потери продемонстрировали и обоснованность утверждений скептиков, считающих, что ОНСД следует рассматривать просто как оружие, опасность которого зависит от множества факторов, подлежащих конкретному анализу в каждом отдельном случае. Что касается политкорректного, но вводящего в заблуждение наименования, оно суть проблемы затенять не должно.

Московский инцидент обострил опасения скептиков относительно возрастающего интереса к химическим инкапаситантам, который создаст угрозу для КХО, а тот факт, что российские силы безопасности добились нейтрализованных террористов, усилил озабоченность международного гуманитарного сообщества относительно того, что ОНСД может стимулировать нарушение вооруженными силами принципа МГП, предписывающего щадить «выведенных из строя»³¹. Связанные с применением фентанила потери среди заложников также вызвали вопросы со стороны защитников прав человека относительно действий российского правительства и в первую очередь неготовности оказать необходимую помощь людям, подвергшимся действию фентанила, после штурма театрального центра³².

Мы говорим о «фентаниловом тумане» потому, что, несмотря весь свой драматизм, случившееся в Москве не положило конец спорам относительно взаимоотношений между ОНСД и международным правом. Став важнейшим реальным событием, связанным с применением ОНСД, отличающегося от традиционных кинетических и механических устройств и полицейских спецсредств, московский кризис повысил статус дискуссии, особенно в том, что касается химического оружия «несмертельного действия». В двух следующих разделах содержится более детальное рассмотрение воздействия происшедшего в Москве на обсуждение темы *ОНСД и международное право*. Сначала мы проанализируем регламентацию химических инкапаситантов

31 Henckaerts, *op. cit.* (примечание 25), p. 203 (там говорится, что обычное МГП «запрещает нападать на лиц, признанных выведенными из строя»).

32 Independent Commission of Inquiry Must Investigate Raid on Moscow Theater: Inadequate Protection for Consequences of Gas Violates Obligation to Protect Life, Human Rights Watch, 30 October 2002, на сайте <http://www.hrw.org/press/2002/10/russia1030.htm> (последнее посещение 20 июня 2005 г.).

КХО, а затем перейдем к вопросу о более общих последствиях московского инцидента для будущих взаимоотношений между этим оружием и международным правом.

После инцидента в Москве: химические инкапаситанты и КХО

Воздействие происшедшего в Москве на КХО

В рамках дискуссии о том, как соотносятся оружие «несмертельного действия» и международное право, самую давнюю историю имеет обсуждение вопроса о «нелетальном» химическом оружии. При подготовке КХО обнаружились противоречия относительно того, является ли применение средств борьбы с беспорядками дозволенным методом ведения войны³³. Кроме этого, составители КХО не обошли вниманием и вопрос об использовании токсичных химикатов для целей, связанных с правоохранительной деятельностью³⁴. Интерес к ОНСД, появившийся во второй половине 1990-х гг. побудил приверженцев этого оружия поставить вопрос о необходимости пересмотреть ограничения, установленные КХО на военное использование средств борьбы с беспорядками и, возможно, внести в них изменения³⁵. Эту точку зрения колоритно выразил один из экспертов, сказавший, что «химикаты могут быть нашими друзьями»³⁶.

Применение фентанила во время московского кризиса вызвало новую волну интереса к режиму химических инкапаситантов, предусмотренному КХО, особенно ее статьей II(9d), которая разрешает использовать токсичные химикаты для целей правоохранительной деятельности³⁷. Данное положение, касающееся правоохранительных целей, стало предметом озабоченности во время переговоров о заключении КХО и после их окончания³⁸, однако вопросы, связанные со

33 КХО, статья I (5).

34 Там же, статья II (9d).

35 См., например, *Non-lethal Technologies: Progress and Prospects*, Independent Task Force, Council on Foreign Relations, New York, 1999, на сайте http://www.cfr.org/pub3326/richard_l_garwin_w_winfield/nonlethal_technologies_progress_and_prospects.php#Report (последнее посещение 22 июня 2005 г.). Здесь в связи с химическим и биологическим оружием высказывается мнение, что безопасность США выиграла бы от внесения изменений в договоры.

36 Russell Glenn, «Separating the wheat from the chaff: Non-lethal capabilities in future urban operations», paper presented at Jane's 4th Annual Non-Lethal Weapons 2000 Conference, 5 December 2000.

37 Статья II (9d) гласит: «Цели, не запрещаемые по настоящей Конвенции» означают: (...) d) правоохранительные цели, включая борьбу с беспорядками в стране.

38 В редакционной статье *CBW Conventions Bulletin*, посвященной главным образом правоохранительному положению статьи II (9d), задаются такие вопросы: «Что есть →правоохранительная деятельность? ... «Чье право охраняется?» ... «Что за право?» ... «Где ведется правоохранительная деятельность?»... «Кем она осуществляется?». «New weapon technologies and the loophole in the Convention», *Chemical Weapons Convention Bulletin*, No. 23, March 1994, p. 1.

сферой их применения и потенциальным воздействием на КХО в практическом плане не поднимались до событий в Москве³⁹, которые сделали их неизбежными и значимыми для КХО и обсуждения в более широком плане взаимоотношений ОНСД и международного права. Большинство экспертов сходились в том, что происшедшее в Москве укладывается в рамки правоохранительного положения КХО, и единодушные по этому вопросу лишь обострило противоречия по поводу возможных толкований данного положения⁴⁰.

И сторонники ОНСД, и скептики придавали большое значение вопросу о толковании правоохранительного положения КХО. Скептиками последнее воспринималось как потенциальная лазейка, которой могут воспользоваться приверженцы химических инкапаситантов, чтобы подорвать предусмотренное КХО запрещение военного использования против живой силы инкапацирующих химикатов⁴¹. Приверженцы ОНСД в свою очередь видели в указанном положении возможность развить потенциал инкапацирующих химикатов и доказать их полезность как для правоохранительных целей, так и для боевых задач, которые войскам придется выполнять в вооруженных конфликтах XXI века. То есть данное положение становилось своего рода обоснованием для призывов пересмотреть запрещение КХО применять в военных целях средства борьбы с беспорядками и инкапацирующие химикаты в связи с появлением химических технологий «несмертельного действия». В этом смысле правоохранительное положение КХО в принципе могло открыть путь для использования в будущем сильнодействующих «нелетальных» средств правоохранительными органами и вооруженными силами.

Вопрос о том, как следует толковать правоохранительное положение КХО после происшедшего в Москве, приобрел огромное политическое и юридическое значение в рамках дискуссии о взаимоотношениях ОНСД и международного права. Поэтому в настоящей статье также рассмотрен вопрос о толковании данного положения и о том,

39 В своей редакционной статье *CBW Conventions Bulletin* вернулся к данной проблеме после московского инцидента и задался вопросом о том, «что следует понимать под «правоохранительными целями» в контексте Конвенции?», «Law enforcement and the CWC», *CBW Conventions Bulletin*, No. 58, December 2002, p. 1.

40 Еще одним фактором, повысившим значение правоохранительного положения КХО, стал созыв весной 2003 г., примерно через полгода после событий в Москве, первой Конференции по рассмотрению действия КХО. Тот факт, что государства – участники КХО не стали рассматривать на конференции вопросы, поднятые московским кризисом, только усугубил существующие противоречия.

41 КХО не запрещает применение токсичных химикатов против материальных средств при условии, что это не причинит вреда людям или животным. См. Fidler, *op. cit.* (примечание 2), p. 72.

какое значение это толкование будет иметь для продолжения указанной дискуссии⁴².

Какие токсичные химикаты могут применяться в правоохранных целях?

Первый вопрос по толкованию был связан с номенклатурой токсичных химикатов, разрешенных к употреблению для правоохранных целей. Статья II (9d) явным образом относит средства борьбы с беспорядками к категории разрешенных химикатов⁴³. Некоторые эксперты утверждали, что любой токсичный химикат, используемый в правоохранных целях, должен обладать теми же свойствами, что и средства борьбы с беспорядками⁴⁴. Такое толкование неправомерно по четырем причинам.

Во-первых, статья II (9d) разрешает государствам использовать токсичные препараты для приведения в исполнение смертного приговора, а химикаты, применяемые в этих целях, средствами для борьбы с беспорядками не являются⁴⁵.

Во-вторых, правила толкования договоров не позволяют считать, что статья II (9d) касается исключительно средств борьбы с беспорядками. Согласно международному праву, договор должен толковаться «добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора»⁴⁶.

42 В настоящей статье толкование правоохранных положений КХО основывается на материале, впервые представленном автором на открытом форуме для неправительственных организаций, который состоялся в мае 2003 г. в рамках Конференции по рассмотрению действия КХО, а затем в пересмотренном виде стал основой статьи David P. Fidler, «Background paper on incapacitating chemical and biochemical weapons and law enforcement under the Chemical Weapons Convention», 25 May 2005, prepared for a symposium on incapacitating biochemical weapons in June 2005.

43 Статья II (7) КХО («Химическое средство борьбы с беспорядками» означает: любой включенный в Списки химикат, способный быстро вызывать в организме человека раздражение органов чувств или физические расстройства, которые исчезают в течение короткого промежутка времени после прекращения воздействия»).

44 Abraham Chayes and Matthew Meselson, «Proposed guidelines on the status of riot control agents and other toxic chemicals under the Chemical Weapons Convention», *Chemical Weapons Convention Bulletin*, No. 35, March 1997, p. 13; Walter Krutzsch, «'Non-lethal' chemicals for law enforcement?» Berlin Information Center for Transatlantic Security Research Note 03.2, April 2003, p. 4.

45 Некоторые сторонники ограничения номенклатуры токсичных химикатов, разрешенных для использования в правоохранных целях, тех, которые соответствуют определению средств борьбы с беспорядками, признают, что летальные дозы токсичных химикатов могут использоваться для приведения в исполнение смертного приговора. Abraham Chayes and Matthew Meselson, *op. cit.* (примечание 44), p. 13 и Krutzsch, *op. cit.* (примечание 44).

46 Венская конвенция о праве международных договоров, статья 31(1) (далее – Венская конвенция), *Международное публичное право. Сборник документов*. Том 1. Москва, Издательство БЕК, с. 74.

Статья II (1a) КХО гласит: «Химическое оружие» означает в совокупности или в отдельности следующее: а) токсичные химикаты и их прекурсоры, за исключением тех случаев, когда они предназначены для целей, не запрещаемых по настоящей Конвенции, при том условии, что виды и количества соответствуют таким целям». Следовательно, «токсичные химикаты» – химическое оружие, за исключением тех случаев, когда они предназначены для целей, не запрещаемых настоящей Конвенцией, таких как правоохранительные цели. Таким образом, правоохранительное положение КХО применяется к токсичным химикатам, как они определены в статье II (2)⁴⁷, а не только к средствам борьбы с беспорядками, как они определены в статье II (7). В статье II (1a) средства борьбы с беспорядками не изымаются из категории «токсичных химикатов», которые можно использовать для целей, не запрещаемых КХО.

В-третьих, средства борьбы с беспорядками определены как не включенные в Списки для КХО химикаты⁴⁸. Токсичные химикаты, которые можно использовать в целях, не запрещаемых КХО, в том числе в правоохранительных целях, могут быть перечислены в Списках 2 и 3 КХО. В Приложении по проверке ясно сказано: «Государство-участник не производит, не приобретает, не сохраняет, не передает и не использует химикаты из Списка 1, за исключением тех случаев, когда: а) эти химикаты применяются в исследовательских, медицинских, фармацевтических или защитных целях»⁴⁹. Правоохранительная деятельность не фигурирует среди целей, для которых химикаты из Списка 1 могут производиться, приобретаться, сохраняться или использоваться. Как отмечали Крутсч и Трэпп, Приложение по проверке для химикатов из Списка 1 носит более ограничительный характер, чем статья II (9), что означает, что «химикат из Списка 1 не может быть использован для любых целей, отличающихся от перечисленных, даже если эти цели носят мирный характер и не связаны с разработкой, производством или применением химического оружия»⁵⁰.

47 Согласно статье II (2) КХО «Токсичный химикат» означает: любой химикат, который за счет своего химического воздействия на жизненные процессы может вызвать летальный исход, временный инкапацирующий эффект или причинить постоянный вред человеку или животным. Сюда относятся все такие химикаты, независимо от их происхождения или способа их производства и независимо от того, произведены ли они на объектах, в боеприпасах или где-либо еще. (Для цели осуществления настоящей Конвенции токсичные химикаты, выявленные для применения мер проверки, перечисляются в Списках, содержащихся в Приложении по химикатам).

48 КХО, статья II (7).

49 Там же, Приложение по проверке, Часть VI, А.2 (а).

50 Walter Krutzsch and Ralf Trapp, *A Commentary on the Chemical Weapons Convention*, Martinus Nijhoff Publishers, The Hague, 1994, p. 418.

Приложение по проверке для химикатов из Списка 1 означает, следовательно, что государства-участники не могут использовать химикаты из Списка 1 для правоохранительных целей. Напротив, Приложение по проверке для химикатов из Списков 2 и 3 не ограничивает таким же образом не запрещаемые цели, а это означает, что токсичные химикаты из Списков 2 и 3, которые не могут быть средствами борьбы с беспорядками, разрешено использовать для правоохранительных целей.

В-четвертых, применение токсичного химиката, не являющегося средством борьбы с беспорядками, в правоохранительных целях во время московского инцидента показывает на примере государственной практики, что КХО не ограничивает одними средствами борьбы с беспорядками спектр химикатов, которые могут использоваться согласно статье II (9d). По международному праву последующая государственная практика применения договора должна приниматься во внимание при его толковании⁵¹. Государственная практика в связи с московским инцидентом включает в себя не только применение Россией токсичного химиката, но и согласие других государств с таким его использованием. Как указывает Марк Уиллис, «большинство аналитиков сочли применение Россией производного фентанила законным» согласно статье II (9d)⁵². Следовательно, международно-правовые правила толкования договоров указывают на то, что КХО не ограничивает токсичные химикаты, разрешенные к использованию в правоохранительных целях, одними средствами борьбы с беспорядками.

Ограничения, налагаемые КХО на разработку и применение токсичных химикатов в правоохранительных целях

Хотя КХО и не сводит применение токсичных химикатов в правоохранительных целях к использованию одних только средств борьбы с беспорядками, такое применение обуславливается выполнением требования, чтобы виды и количества разрабатываемых, производимых, приобретаемых, накапливаемых, сохраняемых, передаваемых или применяемых химикатов соответствовали разрешенным целям⁵³. Эти ограничения обеспечивают такую ситуацию, когда производство токсичных химикатов, обладание ими и применение их в правоохрани-

51 Венская конвенция, статья. 31 (3b).

52 Mark Wheelis, «Will the new biology lead to new weapons?» *Arms Control Today*, July/August 2004, p. 6, p. 8. Автор не считает, что государственная практика, порожденная одним инцидентом, может разрешить вопросы толкования КХО, однако государственная практика в связи с освобождением заложников в Москве представляется важным элементом государственной практики согласно статье II (9d).

тельных целях не подрывают предусмотренного КХО запрета разработки и применения токсичных химикатов в военных целях. Как и другие нормы этого договора, данные нормы должны толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора.

Правило «видов и количества» требует рассмотрения вопроса о том, как примененный химикат соотносится с конкретной правоохранительной целью. Такое толкование переключается с озабоченностью, высказанной в связи с гибелью людей в результате применения инкапацирующего химиката в Москве⁵⁴.

Экстремальные ситуации, связанные с правоохранительной деятельностью

Таким образом, применение химических инкапацирующих веществ, когда невозможно проконтролировать индивидуальную дозировку и условия воздействия, будет законным только в экстремальных ситуациях. Экстремальными ситуациями в правоохранительной деятельности будут считаться обстоятельства, в которых правительства испытывают потребность в применении силы, потенциально способной привести к смертельному исходу, для разрешения не терпящей отлагательства ситуации, связанной с угрозой человеческим жизням, когда другие менее насильственные и опасные средства решения проблемы результатов не принесли. Кризис в Москве подпадал под определение экстремальной правоохранительной ситуации⁵⁵. Если такой ситуации нет, правительство не применяет инкапацирующий химикат того вида или в том количестве, которые соответствуют разрешенным правоох-

53 КХО, статья II (1а). Крутсч и Трэпп отмечали, что «государство-участник должно доказать не только то, что производство и накопление того или иного химиката осуществлялись в законных целях, но и то, что данный химикат относится к категории (виду), согласующейся с объявленной целью и что его количество также соответствует такой не запрещаемой цели. Krutzsch and Trapp, *op. cit.* (примечание 50), p. 27.

54 «Как при использовании любого химического инкапацирующего вещества, концентрацию фентанила в той или иной части здания трудно контролировать, и неизвестно, как определенная концентрация фентанила подействует на особо чувствительных лиц. Трудно также определить грань между инкапацирующим эффектом химиката и смертельной дозой, иными словами, сделать так, чтобы люди погрузились в бессознательное состояние, не перестав при этом дышать». Malcolm Dando, «The danger to the Chemical Weapons Convention from incapacitating chemicals, First CWC Review Conference Paper No. 4, March 2003, p. 4.

55 Организация «Хьюман Райтс Вотч» так прокомментировала инцидент с взятием заложников в Москве: «Международное право не запрещает применение потенциально смертельной силы в операциях по освобождению заложников, но требует, чтобы такое применение было «абсолютно необходимым» и чтобы при планировании и осуществлении операции были приняты все меры предосторожности для сведения до минимума потерь человеческих жизней». Human Rights Watch, *op. cit.* (примечание 32).

ранительным целям, когда нет возможности контролировать дозировку и условия воздействия.

Международное право прав человека (МППЧ), которое согласно правилам толкования договоров⁵⁶ является отраслью международного права, регламентирующей данную сферу, подтверждает это заключение. В экстремальных ситуациях, имеющих отношение к правоохранительной деятельности, правительства, рассматривающие возможность применения инкапситурирующих химикатов, связаны обязательством защищать право на жизнь⁵⁷. Это обязательство воспрещает правительствам произвольно лишать жизни лиц, находящихся под их юрисдикцией⁵⁸, и МППЧ не допускает никаких отступлений от этой обязанности даже в условиях чрезвычайного положения⁵⁹.

Правозащитные организации обвинили Россию в нарушении права на жизнь, поскольку освобожденным заложникам, которые умерли в результате применения фентанила, не была оказана надлежащая медицинская помощь⁶⁰. Невозможность контролировать дозировку и условия воздействия, когда химические инкапситуранты применяются в экстремальных ситуациях правоохранительной деятельности, обуславливает ответственность государства за принятие всех мер предосторожности, чтобы свести к минимуму вред, причиненный ни в чем не повинным людям, и немедленно оказать медицинскую помощь тем, кто подвергся воздействию химиката и, возможно, от этого пострадал⁶¹.

56 Венская конвенция, статья 31 (3с) («Наряду с контекстом учитываются: ... с) любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношении между участниками»).

57 Всеобщая декларация прав человека. Принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 г., статья 3. *Международное публичное право*. Сборник документов. Том 1, с. 460–464 (далее ВДПЧ). Международный пакт о гражданских и политических правах, статья 6, там же, с. 470–482 (далее МПГПП).

58 Human Rights Committee, «General Comment No. 6, Article 6», para. 3, in *Compilation of General Comments and General Recommendations Adopted by Human Rights Treaty Bodies*, UN Doc. HRI/GEN/1/Rev/1, 1994, p. 6.

59 МПГПП, статья 4.

60 Human Rights Watch, *op. cit.* (примечание 32).

61 Комментируя возможное применение инкапситурирующих химикатов в правоохранительных целях, британское правительство привело следующий аргумент: «Решение применить какой-либо препарат – независимо от того, предназначен ли он для приведения в состояние покоя или полностью бессознательное состояние – требует знания истории болезни того, кто подвергается его воздействию, особенно принимаемых им лекарственных средств по предписанию врача или без оно, а также любой другой соответствующей медицинской информации. Это предполагает также большую ответственность за немедленное оказание медицинской помощи и последующее лечение». Цитируется по Lewer and Davison, *op. cit.* (примечание 11), p. 47.

Задержание лиц в правоохранительных целях

Это толкование означает, что ограничение по «видам и количеству» на применение инкапситулирующих химикатов в ситуациях правоохранительной деятельности, не являющихся экстремальными, обязывает государства – участников КХО строго контролировать их дозировку и условия воздействия⁶². Для такого контроля нужно, чтобы соответствующее лицо физически находилось в распоряжении правоохранительных органов. В соответствии с правилами толкования договоров норма, касающаяся «видов и количества», должна интерпретироваться в свете соответствующих норм международного права, применяемых в отношениях между государствами⁶³. Поскольку речь идет о правоохранительной ситуации, когда лицо физически находится в распоряжении правоохранительных органов, для ее анализа следует привлечь МППЧ⁶⁴. Правоохранительная деятельность непосредственным образом подпадает под действие международного права гражданских и политических прав⁶⁵. И если прочесть положение о «видах и количестве» в свете права прав человека, то существенно сокращается спектр ситуаций, в которых правоохранительные органы могут подвергать задержанных лиц действию инкапситулирующих химикатов.

Международное право прав человека запрещает пытки и другие виды жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказаний и не допускает никаких отступлений от этого запрета⁶⁶. Применение химических инкапситулянтов против задержанных лиц без их согласия и не в терапевтических целях может рассматриваться как унижающее достоинство обращение либо – в зависимости от силы физиологического воздействия химиката – как жестокое, бесчеловечное обращение или даже как пытка⁶⁷. Государства, международные организации и неправительственные правозащитные организации уже давно осудили применение к задержанным лицам без

62 «Чтобы добиться нужного уровня изменения настроения без достижения опасного угнетения дыхания (например, транквилизирующего эффекта при сохранении сознания), требуется строгий контроль дозировки». *An Assessment of Non-Lethal Weapons Science and Technology*, Committee for an Assessment of Non-Lethal Weapons Science and Technology, National Academies Press, Washington, D.C., 2003, p. 27.

63 Венская конвенция, статья 31 (3с).

64 Поскольку МППЧ уже получило развитие ко времени подготовки и принятия КХО, ссылка на него вполне приемлема при толковании положения КХО о правоохранительных целях.

65 См., в частности, МППП, статья 6 (запрещение произвольного лишения жизни и нормы, касающиеся вынесения смертного приговора), статья 7 (запрещение пыток, жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказаний), статьи 9–10 (нормы, касающиеся лишения свободы) и статьи 14–15 (нормы, относящиеся к обвинению лица в совершении уголовных преступлений и судебному преследованию).

66 ВДПЧ, статья 5; МППП, статьи 4 (2) и 7.

67 См. подробный вопрос этих вопросов МППЧ в Fidler, *op. cit.* (примечание 42), pp. 34–44.

их согласия и не в терапевтических целях психотропных средств и других химикатов. Применение инкапаситантов к задержанным лицам без их согласия и не в терапевтических целях не будет противоречить МППЧ только в том случае, когда задержанное лицо своими действиями создает непосредственную угрозу для своего здоровья или жизни (например, пытается покончить самоубийством) либо для безопасности и порядка в месте содержания под стражей (например, нападает на охранников или участвует в бунте).

Таким образом, правоохранительные цели, в которых инкапаситирующие химикаты могут быть на законных основаниях применены к задержанным лицам, очень немногочисленны согласно правилу «видов и количества» КХО. Ключом к такому толкованию является соответствие МППЧ при определении видов и количества инкапаситирующих химикатов, которые могут быть на законных основаниях применены в правоохранительных целях, связанных с задержанием лиц.

Резюме: Ограничения, налагаемые КХО на разработку и применение токсичных химикатов в правоохранительных целях

В общем, правило «видов и количества» существенно ограничивает возможности государства – участника КХО в плане разработки инкапаситирующих химикатов и их применения в правоохранительных целях как к группам лиц, так и к задержанным лицам. Юридическая «лазейка» в статье II (9d) на самом деле не так опасна, как считали некоторые авторы, скептически относящиеся к ОНСД. КХО, истолкованная в свете МППЧ, налагает серьезные ограничения на разработку и применение государствами химических инкапаситантов в правоохранительных целях. Обращение к МППЧ для толкования ограничения по «видам и количеству» соответствует этическим целям, которым сторонники ОНСД приписывают свой интерес к инкапаситирующим химикатам. Приверженцы ОНСД действовали бы непоследовательно с этической точки зрения, если бы стали возражать против применения норм права прав человека к использованию инкапаситирующих химикатов в правоохранительных целях. Так что и приверженцы ОНСД, и те, кто относится к ним скептически, занимают сходные позиции в толковании вышеупомянутого правила «видов и количества».

Что означает понятие «правоохранительная деятельность»

Второй важнейший вопрос, встающий в связи с толкованием статьи II (9d) в свете происшедшего в Москве, носит терминологический характер и касается объема понятия «правоохранительная деятельность».

По общему мнению применение Россией фентанила в правоохранительных целях вызвало озабоченность и определенную неразбериху относительно того, насколько широко следует понимать «правоохранительные цели», когда речь идет об использовании инкапаситирующих химикатов. Зададим вслед за Дэндо вопросом о том, «где (...) кончается правоохранительная деятельность и начинается метод ведения войны?»⁶⁸ Поскольку КХО не дает определения «правоохранительных целей», опять приходится прибегать к правилам толкования договоров. Основной же вопрос состоит в том, следует ли толковать «правоохранительные цели» узко или широко?⁶⁹ Как мы убедимся ниже, с этим выбором связан и ответ на вопрос, охватывает ли понятие «правоохранительная деятельность» такую деятельность, которая регулируется международным правом.

Правоохранение как обеспечение соблюдения внутреннего законодательства

Что следует понимать под «правоохранением»? В обычном смысле слово «охранение» означает обеспечение соблюдения, уважения⁷⁰. Аналогичным образом слово «право» четко соотносится с внутренним законодательством, правом, которое применяется в пределах территории и относится к юрисдикции суверенного государства. То есть статья II (9d) КХО трактует правоохранение как обеспечение соблюдения внутреннего законодательства. Статья II (9d) разрешает использовать летальные дозы токсичных химикатов для приведения в исполнение смертных приговоров, что является правоохранительной функцией, относящейся к юрисдикции государства. Кроме этого, статья II (9d) КХО разрешает применять токсичные химикаты «в правоохранительных целях, включая борьбу с беспорядками в стране». Выражение «включая борьбу с беспорядками в стране» иллюстрирует одну из разновидностей правоохранительной деятельности, разрешенной статьей II (9d) и сосредоточивает внимание на правоохранительной деятельности в пределах государственных границ или государственной

68 Malcolm Dando, «Scientific and technological change and the future of the CWC: The problem of non-lethal weapons», *Disarmament Forum*, 2002, pp. 33–34.

69 Вот как сформулировали этот выбор Крутсч и Трэпп: «Выражение «правоохранительные цели, включая борьбу с беспорядками в стране», может быть истолковано как означающее, что помимо борьбы с беспорядками в стране есть борьба с беспорядками где-то еще. С другой стороны, такая борьба с беспорядками «вне страны» должна быть международно-признанным средством «правоохранительной деятельности». Krutzsch and Trapp, *op. cit.* (примечание 50), p. 42 n. 45.

70 В примечании дается толкование английского слова «enforcement». *Shorter Oxford English Dictionary*, Oxford University Press, Oxford, 1993, p. 820.

юрисдикции⁷¹. Россия применила фентанил на своей территории в ответ на насильственные преступные действия. Статья II (9d) охватывает правоохранительную деятельность на территории суверенного государства, но распространяется ли она на правоохранительную деятельность за пределами юрисдикции и на правоохранение как обеспечение соблюдения международного права?

Применение токсичных химикатов в правоохранительных целях для обеспечения соблюдения внутреннего законодательства вне пределов юрисдикции

При ответе на вопрос, разрешает ли статья II (9d) применение токсичных химикатов для обеспечения соблюдения внутреннего законодательства вне пределов юрисдикции, следует учитывать соответствующие нормы международного права. Из них явствует, что КХО запрещает такое применение.

Согласно международному праву государство может осуществлять правоохранительную деятельность только тогда, когда оно наделено предписательной юрисдикцией⁷². Нормы предписательной юрисдикции разрешают государству предписывать соблюдение внутреннего законодательства в отношении лиц, поведения и деятельности вне пределов его юрисдикции. При этом нормы международного права, касающиеся юрисдикции в отношении правоохранительной деятельности, налагают более строгие ограничения. Общепризнанное следствие государственного суверенитета состоит в том, что должностные лица одного государства не могут выполнять свои функции на территории другого государства без его согласия⁷³. Эта позиция подкрепляется двумя основополагающими принципами: 1) принципом суверенитета и суверенного равенства государств⁷⁴ и 2) принципом, за-

71 Государственная практика свидетельствует о том, что правительства нередко применяют средства борьбы с беспорядками в стране. См. Davison and Lewer 2004, *op. cit.* (примечание 11), pp. 34–35 (фиксация случаев применения средств борьбы с беспорядками в мире).

72 American Law Institute, *Restatement (Third) of the Foreign Relations Law of the United States*, American Law Institute Publishers, St. Paul, 1986, § 431 (1). Международное право государство наделяет предписательной юрисдикцией в отношении 1) поведения, лиц или деятельности полностью или по большей части в пределах своих границ или на территориях, находящихся под его юрисдикцией; 2) деятельности, интересов, статуса или отношений граждан вне пределов и в пределах государственных границ и территорий, находящихся под его юрисдикцией; 3) действий, совершаемых вне пределов его границ и территорий, находящихся под его юрисдикцией, а) которые приводят или планировались для того, чтобы привести к серьезным последствиям на территории государства, б) которые совершаются лицами, не являющимися гражданами государства, и направлены против безопасности государства или определенной категории иных интересов государства. *Ibid.*, § 402. Даже на этой основе юрисдикция должна осуществляться осмотрительно. *Ibid.*, § 403.

73 *Ibid.*, p. 329.

74 Устав Организации Объединенных Наций, статья 2 (1).

прещующим вмешательство во внутренние дела других государств⁷⁵. Действия по обеспечению соблюдения уголовного законодательства не могут осуществляться в пределах юрисдикции другого государства без согласия последнего.

Эти нормы означают, что статья II (9d) разрешает государству применять токсичные химикаты в правоохранительных целях только на территориях, находящихся под его юрисдикцией. Нормы международного права, касающиеся юрисдикции в отношении правоохранительной деятельности, – не позволяют истолковать статью II (9d) как разрешающую государству-участнику КХО применять токсичные химикаты в правоохранительных целях для обеспечения соблюдения внутреннего законодательства на территориях, находящихся под юрисдикцией другого государства. Такое использование токсичных химикатов будет законным только тогда, когда: 1) государство, обладающее юрисдикцией, дает разрешение на их использование; 2) разрешение касается применения в правоохранительных целях; и 3) данное применение соответствует требованию относительно «видов и количества»⁷⁶.

Нормы международного права, касающиеся осуществления правоохранительной деятельности, показывают, что в своем обычном значении выражение «правоохранительные цели» означает обеспечение соблюдения внутреннего законодательства в пределах границ государства или территорий, находящихся под его юрисдикцией. Обычное значение слов «правоохранительные цели» не включает в себя обеспечения соблюдения внутреннего законодательства вне пределов юрисдикции, поскольку такая деятельность полностью обусловлена согласием другого государства.

Применение токсичных химикатов для обеспечения соблюдения международного права

Возникает вопрос: разрешает ли статья II (9d) использовать токсичные химикаты для обеспечения соблюдения международного права?⁷⁷

75 Там же, статья 2 (7).

76 Государственная практика США отражает данное толкование. В *Руководстве для командира по праву военно-морских операций* среди разрешенных в мирное время фигурирует применение средств борьбы с беспорядками «вне пределов баз на территории иностранных государств в правоохранительных целях с разрешения соответствующего правительства». Steven F. Day, «Legal considerations in noncombatant evacuation operations», *Naval Review*, Vol. 40, 1992, p. 45, p. 60.

77 Чейс и Мезельсон отметили, что КХО «не указывает явным образом, соблюдение каких источников права могут обеспечивать государства, ссылаясь на статью II (9d). Поэтому существует возможность того, что государства пожелают обосновать международным правом свою «правоохранительную деятельность», Chayes and Meselson, *op. cit.* (примечание 44), p. 15.

Можно ли выражение «правоохранительные цели» в своем обычном значении быть истолковано как распространяющееся на обеспечение соблюдения международного права в свете предмета и цели КХО?

Чтобы включить международное право в сферу действия правоохранительного положения статьи II (9d), потребовался бы неконвенционный подход к вопросу о взаимоотношениях международного права и принуждения к его соблюдению. Споры о том, можно ли заставить соблюдать международное право, не стихают никогда, что делает проблематичным его включение в сферу действия положения о «правоохранительных целях» в его обычном значении. Децентрализованный и анархический характер международных отношений затрудняет принуждение к соблюдению международного права, отсюда и противоречие: механизмов, посредством которых одни государства могли бы принуждать другие к его соблюдению, существует мало. Как сказано в «Международном праве» Л. Оппенгейма, международное право испытывает дефицит практических средств обеспечения соблюдения его норм⁷⁸. Так что утверждения, согласно которым слова «правоохранительные цели» в своем обычном значении относятся как к международному, так и к внутреннему праву, кажутся нам сомнительными, исходя из общих взаимоотношений между международным правом и обеспечением его соблюдения.

Принуждение к соблюдению международного права регулируется принципами, на основании которых государства должны разрешать возникающие между ними споры по поводу нарушений международного права. Общим принципом является мирное разрешение споров⁷⁹. В соответствии с ним государствам надлежит разрешать споры без применения силы, насилия и оружия. Государства могут принять мирные контрмеры (например, экономические санкции), чтобы попытаться заставить другое государство соблюдать свои международно-правовые обязательства. Однако мирное разрешение споров не предполагает использования токсичных химикатов для принуждения к соблюдению международного права. В самом деле, ничто в международном праве не может служить оправданием для применения токсичных химикатов одним государством, чтобы заставить другое государство уважать международное право.

78 *Oppenheim's International Law*, 9th ed., Longmans, London, 1992, p. 11.

79 Устав ООН, статьи 2 (3), 2 (4) и 33 (1).

Правоохранительная деятельность и право прибегать к силе для самообороны

Некоторые могут возразить, что государство – участник КХО может применить токсичные химикаты на основании положения о правоохранительных целях в рамках осуществления своего неотъемлемого права на самооборону в случае вооруженного нападения на него другого государства или негосударственного формирования. Иными словами, использование токсичных химикатов подвергшимся агрессии государством стало бы фактором обеспечения соблюдения международно-правовых норм, запрещающих применение силы. Такая аргументация не может иметь никакого международно-правового обоснования. Самооборона – неотъемлемое право государств, а не «правоохранительный» механизм⁸⁰.

Далее, текст КХО, ее контекст, предмет и цели указывают на то, что Конвенция предназначена устранить токсичные химикаты из арсенала средств, используемых в вооруженных конфликтах. Если бы было разрешено использовать токсичные химикаты в осуществление права на самооборону от агрессии, дозволенным стало бы и их использование в вооруженных конфликтах, а как раз это КХО запрещает. То же можно сказать и о военных операциях, осуществляемых вооруженными силами государства за пределами юрисдикции последнего, причем не важно, идет ли речь об операциях по обеспечению коллективной безопасности, предпринятых с разрешения Совета Безопасности ООН, о гуманитарной интервенции или превентивной самообороне.

Экстратерриториальная правоохранительная деятельность, проводимая вооруженными силами и разрешенная международным правом

Таким образом, статья II (9d) не позволяет государствам-участникам КХО применять токсичные химикаты для обеспечения соблюдения международного права. Однако это право разрешает определенные виды экстерриториальной правоохранительной деятельности, осуществляемой вооруженными силами в рамках как традиционных, так и нетрадиционных военных операций. На такую деятельность распространяется применение статьи II (9d).

Международное право признает ряд ситуаций, в которых вооруженные силы привлекаются к правоохранительной деятельности в связи с традиционными военными операциями. Как правило, речь идет о поддержании общественного порядка и обеспечении безопасности в районах, контролируемых вооруженными силами. Во-первых,

80 Там же, статья 51.

МГП предусматривает ответственность оккупирующей державы за «поддержание нормального управления территории»⁸¹. Международный Комитет Красного Креста (МККК) отметил, что данное положение наделяет полномочиями оккупирующую державу «в качестве державы, ответственной за законность и порядок»⁸². Выполнение этой функции в целях обеспечения общественного порядка и безопасности должно включать в себя такие виды деятельности, как контроль в местах скопления гражданских лиц для предупреждения беспорядков на оккупированной территории.

Во-вторых, МГП разрешает оккупационным силам обеспечивать безопасность оккупирующей державы, личного состава и имущества оккупационных войск или администрации, а также используемых ею объектов и коммуникационных линий⁸³. Это право позволяет оккупационным силам на законных, с точки зрения международного права, основаниях применять уголовное законодательство для защиты личного состава, сотрудников администрации, зданий, линий коммуникации, оборудования и другого имущества от посягательств некомбатантов на оккупированной территории⁸⁴.

В-третьих, МГП признает, что в дополнение к уголовному законодательству оккупированной территории оккупирующая держава может издавать собственные постановления во исполнение своих обязанностей по международному праву оккупации⁸⁵. Соответствующие полномочия включают использование методов и средств осуществления правоохранительной деятельности, в том числе и средств борьбы с беспорядками, для контроля над толпой, обеспечения общественного порядка и безопасности.

81 IV Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны, статья 64, *Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним*, Москва, Международный Комитет Красного Креста, 2001, с. 174.

82 *Commentary on Geneva Convention IV Relative to the Protection of Civilian Population in Time of War*, ICRC, Geneva, 1958, p. 337.

83 IV Женевская конвенция, статья 64.

84 Пример использования средств борьбы с беспорядками для охраны имущества оккупирующей державы описан в докладе об оружии «несмертельного действия», опубликованном на средства Совета по международным отношениям США. Когда на территорию военной базы в Багдаде, занятой вооруженными силами США, проникли гражданские лица с целью разграбления имущества, американские военнослужащие применили различное оружие «несмертельного действия», в том числе такое средство борьбы с беспорядками, как олеорезин капсулюм (ОС), чтобы вытеснить гражданских лиц, Independent Task Force, *Non-Lethal Weapons and Capabilities*, Washington, D.C., Council on Foreign Relations, 2004, p. 51. См. также Davison and Lewer 2005, *op. cit.* (примечание 11), pp. 22–24 (описание применения различных видов ОНСД американскими военными силами в Ираке и Афганистане).

85 ЖК IV, статьи 64–78.

В-четвертых, МГП разрешает оккупационным силам регулировать поведение военнопленных⁸⁶. Военные силы могут применять в отношении военнопленных законы, уставы и приказы⁸⁷ и использовать против них оружие в качестве меры чрезвычайного характера, например, при попытке к побегу⁸⁸, если соответствующее обстоятельству предупреждение не возымело действия. По мнению МККК, держащая в плену держава имеет право применить оружие против взбунтовавшихся военнопленных: «Прежде чем применить боевое оружие, часовые могут использовать другое оружие, которое не причиняет смертельных повреждений и может даже рассматриваться как средство предупреждения – слезоточивый газ, дубинки и т. д.»⁸⁹.

Статья II (9d) применима к этим четырем видам ситуаций, в которых международное право признает законность экстратерриториальной правоохранительной деятельности, осуществляемой вооруженными силами. Такое толкование охватывает ряд обстоятельств, в которых США претендуют на право применять средства борьбы с беспорядками в рамках военной деятельности, а именно: 1) в зонах, находящихся под непосредственным фактическим контролем вооруженных сил США, в частности в целях контроля над бунтующими военнопленными; 2) в тылу, вне зоны непосредственного боевого соприкосновения, чтобы обезопасить автоколонны от угроз, исходящих от гражданских беспорядков⁹⁰.

Приведенный выше анализ относится и к нетрадиционной военной деятельности, такой как миротворческие операции, признанные законными международным правом. Нетрадиционные военные операции считаются соответствующими международному праву, когда они осуществляются: 1) по просьбе суверенного государства о направлении миротворческих сил; и 2) разрешение на проведение миротворческих операций дано Советом Безопасности на основании Главы VII Устава ООН.

На военные силы, осуществляющие миротворческие операции, часто возлагается ответственность за обеспечение безопасности гражданского населения, его благополучие и поддержание общественного порядка. Им приходится вести правоохранительную деятельность (например, арестовывать лиц, подозреваемых в совершении военных

86 Женевская конвенция III от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными (далее – ЖК III), статьи. 41, 82.

87 Там же, статья 82.

88 Там же, статья 42.

89 *Commentary on Geneva Convention III Relative to the Treatment of Prisoners of War*, ICRC, Geneva, 1960, p. 247.

90 Executive Order 11850, *Federal Register*, Vol. 40, 1975, p. 161, paras. (a), (d).

преступлений, освобождать заложников) и действовать в условиях угроз безопасности своему личному составу и материальным средствам со стороны некомбатантов⁹¹. В самом деле, проблемы с гражданским населением, с которым военные силы сталкиваются при осуществлении миротворческих операций, в определенной степени подпитывали интерес военных к оружию «несмертельного действия» в течение последнего десятилетия⁹².

Таким образом, КХО разрешает вооруженным силам применять средства борьбы с беспорядками в правоохранных целях в рамках нетрадиционных военных операций, санкционированных международным правом. Это толкование согласуется с заявлениями США, считающими, что их вооруженные силы могут на законных основаниях использовать средства борьбы с беспорядками: 1) при проведении в мирное время военных операций в зоне продолжающегося вооруженного конфликта, стороной в котором США не являются; 2) в рамках миротворческих операций, проводимых с разрешения принимающего государства, в том числе на основании Главы VI Устава ООН; и 3) при проведении миротворческих операций, в которых применение силы разрешается Советом Безопасности ООН на основании Главы VII Устава ООН⁹³.

Однако данное толкование не согласуется с позицией США, которые считают, что имеют право применять средства борьбы с беспорядками против комбатантов в рамках перечисленных выше нетрадиционных военных операций⁹⁴. Виды правоохранных деятельности, которые международное право разрешает вооруженным силам осуществлять в рамках традиционных и нетрадиционных военных операций, относятся к взаимодействию войск и некомбатантов (военнопленных или гражданских лиц), а не к боестолкновениям с вооруженными формированиями.

Из приведенного выше толкования статьи II (9d) вытекают два следствия, заслуживающих упоминания. Во-первых, в экстремальных правоохранных ситуациях военные силы, осуществляющие экс-

91 Не будучи в состоянии предотвратить нападения бесчинствующих толп на монастыри в Косово в марте 2004 г., Германия объявила о намерении оснастить свои миротворческие контингенты средствами борьбы с беспорядками. Davison and Lewer 2004, *op. cit.* (примечание 11), p. 34. В Кот-д'Ивуаре французские военные силы применили полицейские спецсредства против гражданских лиц, участвующих в беспорядках, последовавших за военным вмешательством Франции, предпринятым в ответ на нападение кот-д'ивуарских ВВС на французских миротворцев. Davison and Lewer 2005, *op. cit.* (примечание 11), p. 53.

92 Fidler, *op. cit.* (примечание 2), p. 58.

93 US Senate Executive Resolution No. 75 – Relative to the Chemical Weapons Convention, *Congressional Record*, Vol. 143, p. S3373/01, 17 April 1997, § 26A.

тратерриториальную правоохранительную деятельность, разрешаемую международным правом в рамках традиционных и нетрадиционных военных операций, могут не ограничиться применением средств борьбы с беспорядками. В то же время имеющаяся государственная практика указывает на то, что КХО налагает более строгие ограничения на применение токсичных химикатов вооруженными силами в рамках такой деятельности. Более того, государства – участники КХО, в том числе США, никогда не претендовали на право использовать и никогда не применяли на практике токсичные химикаты иные, чем средства борьбы с беспорядками в правоохранительных целях, разрешенные международным правом при осуществлении традиционных и нетрадиционных военных операций^{95,96}. Это более ограничительное толкование имеет два источника: 1) данная деятельность носит экстратерриториальный характер, и на нее не распространяется право действовать по своему усмотрению, которым правительство пользуется на территории соответствующего государства.; и 2) она ведется вооруженными силами. Предмет и цели КХО таковы, что требуются особая осмотрительность и дополнительные меры предосторожности, когда речь идет об экстратерриториальной военной деятельности с применением токсичных химикатов.

Вторым следствием вышеуказанного толкования статьи II (9d) является то, что она охватывает многие, но не все случаи, в которых, как утверждают США, применение средств борьбы с беспорядками является законным в соответствии с КХО. Два типа ситуаций, в которых использование средств борьбы с беспорядками США считают законным, остаются неохваченными: 1) ситуации, когда гражданские лица используются для сокрытия или прикрытия нападений, и есть возможность избежать потерь среди гражданских лиц или их сократить; и

94 Ibid.

95 Президент Буш разрешил американским войскам применять средства борьбы с беспорядками в Ираке в 2003 году в обстоятельствах, описанных в Приказе 11850. Neil Davison and Nicholas Lewer, Bradford Non-Lethal Weapons Research Project Report No. 4, 2003, p. 13. Британские вооруженные силы сообщили в 2003 году, что будут использовать средства борьбы с беспорядками в Ираке только для подавления беспорядков. Davison and Lewer 2004, *op. cit.* (примечание 11), p. 34.

96 Эта ситуация стимулировала попытки подогнать новые химические композиции, такие, например, как малодоранты, под определение средств борьбы с беспорядками, как это сделали США. Davison and Lewer 2003, *op. cit.* (примечание 95), p. 10. Однако такой подход не сочетается с более сильнодействующими инкапсулирующими химикатами. Как указано в докладе Национального совета по научным исследованиям, «возможность применения успокаивающих средств (...) рассматривалась в связи с ситуациями с взятием заложников и для воздействия на «неуправляемых» заключенных, а не для ситуаций бунта, в которых обездвиженные лица рискуют быть затоптанными или задавленными». Committee for an Assessment of Non-Lethal Weapons Science and Technology, *op. cit.* (примечание 62), p. 27.

2) миссии по спасению экипажей и пассажиров сбитых летательных аппаратов в отдаленных районах или предпринимающих попытку к бегству военнопленных⁹⁷. Ни одна из указанных ситуаций не обнаруживает черт сходства с теми, в которых международное право разрешает вооруженным силам вести правоохранительную деятельность.

Применение средств борьбы с беспорядками против неприятельских комбатантов, пытающихся захватить экипаж и пассажиров сбитого летательного аппарата, либо совершающих побег военнопленных, либо против неприятельских комбатантов, использующих гражданских лиц в качестве «живого щита» или для прикрытия нападения, более похоже на ведение военных действий, чем на правоохранительную деятельность. Ни одно из этих применений не соответствует санкционированному международным правом разновидностям правоохранительной деятельности, осуществляемой вооруженными силами. Такое толкование статьи II (9d) соответствует правилам толкования договоров, поскольку проводит различие между правоохранительными целями, разрешенными статьей II (9d) и методами ведения войны, запрещенными статьей I (5).

Правоохранительная деятельность и боевые действия против повстанцев

В связи с операциями против повстанцев в Ираке встал вопрос о том, имеют ли право военные силы применять средства борьбы с беспорядками при их проведении. Иными словами, могут ли антиповстанческие операции, проводимые вооруженными силами, рассматриваться как правоохранительная цель согласно статье II (9d)? Боевые действия против повстанцев порождают концептуальные проблемы, поскольку они оказываются как бы между традиционными понятиями вооруженного межгосударственного конфликта и правоохранительной деятельности внутри страны. Ситуации с повстанческими движениями и крупномасштабными организованными гражданскими беспорядками и в прошлом создавали трудности для МГП, о чем свидетельствуют разногласия в период подготовки Дополнительного протокола II о международных вооруженных конфликтах. Поэтому неудивительно, что борьба с повстанцами стала источником проблем и для толкования статьи II (9d).

Нормы международного гуманитарного права, касающиеся немеждународных вооруженных конфликтов, применяются к конфликтам, происходящим на территории какого-либо государства между его

97 Executive Order 11850, *op. cit.* (примечание 90), § (b) – (c).

вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые осуществляют такой контроль над частью его территории, при котором они могут вести непрерывные и согласованные военные действия⁹⁸. Это определение позволяет разграничить вооруженный конфликт и правоохранительную деятельность в стране. Следовательно, Дополнительный протокол II является источником применимых норм и должен учитываться при толковании статьи II (9d).

Военные операции против повстанцев, которые осуществляют такой контроль над частью территории государства и ведут непрерывные и согласованные военные действия, являются, скорее, вооруженным конфликтом, а не правоохранительной деятельностью и, следовательно, статьей II (9d) не охватываются. Предусмотренная КХО обязанность не применять химическое оружие «ни при каких обстоятельствах»⁹⁹ распространяется как на внутренние, так и на международные конфликты. Отсюда можно сделать вывод о том, что применение средств борьбы с беспорядками в операциях, направленных против повстанцев, представляет собой метод ведения войны, запрещенный статьей I (5) КХО. Имеющаяся на сегодняшний день государственная практика в области действий вооруженных сил в Ираке подкрепляет это толкование, поскольку военные пока ни разу не применяли там средства борьбы с беспорядками или инкапацирующие химикаты в антиповстанческих операциях.

Московские события, правоохранительная деятельность и КХО

Подробный анализ положения КХО, касающегося правоохранительных целей, был предпринят нами в ответ на серию «ударных волн», порожденных применением фентанила в Москве для разрешения кризиса с заложниками, которое повлияло на ход дискуссии о взаимоотношениях оружия «несмертельного действия» и международного права. Большинство экспертов сходятся на том, что использование Россией фентанила не нарушает статью II (9d), однако пришлось срочно решать проблемы, связанные с отсутствием четкого представления о том, как данное положение будет применяться в других подобных ситуациях после Москвы, и озабоченностью на этот счет. Представленное выше

98 Статья 1 Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера, *Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним*, Москва, Международный Комитет Красного Креста, 2001 г., с. 319.

99 КХО, статья I (1).

толкование статьи II (9d) дает ответ а многие вопросы, касающиеся этого положения, в том числе и на высказывавшиеся и раньше опасения, что, как показало происшедшее в Москве, в нем заключается «серьезная слабость» КХО, ставящая ее в зависимость от «развития науки и техники»¹⁰⁰. Конечно, с положением о правоохранных целях не все просто, но, как показывает анализ практики после московских событий, предмет и цель КХО вовсе не оказываются совсем уж беззащитными перед лицом разного рода манипуляций научно-техническими достижениями, используемыми во благо или во зло. Прояснение положения КХО о правоохранных целях – важный результат, достигнутый после московского кризиса. Однако, как будет показано в следующем разделе, последствия событий в Москве для дискуссии об ОНСД и международном праве выходят далеко за рамки анализа значения данного положения.

После событий в Москве: оружие «несмертельного действия» и международное право сегодня и завтра

Химическое и биологическое ОНСД и международное право: полный пересмотр позиций?

Если не ограничиваться анализом последствий московского кризиса для толкования КХО, можно обнаружить сдвиги в позициях влиятельных деятелей США по отношению к вопросу о том, стоит ли обзаводиться химическим или биологическим ОНСД. Этот сдвиг можно проследить на примере двух докладов Рабочих групп по ОНСД, спонсируемых влиятельным Советом по международным отношениям (СМО), причем один из них появился до московских событий, а второй после. В 1999 г. рабочая группа СМО, обсуждавшая биологические и химические технологии ОНСД, высказала точку зрения, согласно которой «в отдельных случаях безопасность США выиграла бы от внесения изменений в тот или иной договор»¹⁰¹. Это показывает, что часть лидеров общественного мнения США были расположены рассматривать возможность внесения поправок в КХО и (или) КБО.

Другая Рабочая группа по оружию «несмертельного действия» в 2004 г. пришла к прямо противоположному выводу. Она «рассмотрела выгоды, которые можно было бы извлечь, и проблемы, которые возникли бы, если бы США попытались истолковать положения КХО как

100 «New weapon technologies and the loophole in the Convention», *op. cit.* (примечание 38), p. 2.

101 Independent Task Force 1999, *op. cit.* (примечание 35).

предоставление им возможности применять химикаты и нелетальное оружие против неприятельских комбатантов или решили бы внести изменения в КХО либо отказаться от нее вовсе»¹⁰².

«Рабочая группа считает, что требования внести поправки в КХО или провозглашение права применять средства борьбы с беспорядками в качестве метода ведения войны создали бы опасность ослабления законного статуса ОНСД. В то же время это дало бы другим свободу рук, чтобы открыто, на законных основаниях и целенаправленно проводить финансируемые правительством НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки), которые, вероятнее всего, приведут к появлению усовершенствованных летальных средств, а не улучшенного оружия несмертельного действия. (...) Соответственно, взвесив все, Рабочая группа пришла к выводу, что наилучшей позицией для США будет подтверждение приверженности КХО и КБО и лидерство в обеспечении соблюдения этих договоров другими государствами»¹⁰³.

Вывод доклада 2004 г., действительно, отличается от такового доклада 1999 г., и этот сдвиг указывает на возросшее осознание того, что ослабление ограничений, налагаемых КХО и КБО на оружие «несмертельного действия», не только повредит национальной безопасности США – подталкивая другие страны к проведению научных исследований, результаты которых могут быть легко использованы для разработки ОНСД, – но и, как сказано в докладе 2004 г., ослабит законный статус всего ОНСД. Доклад Рабочей группы, опубликованный в 2004 г., рекомендует осваивать новые виды ОНСД¹⁰⁴, но в то же время указывает, что расширение возможностей применения химических и биологических средств станет препятствием для достижения этой цели. Эта Рабочая группа постаралась избежать отрицательных политических и правовых последствий «фентанилового тумана», которые могли бы повредить достижению более общих целей в плане разработки новых видов ОНСД.

Есть и другие симптомы, указывающие на то, что перспективы появления более мощных химических средств становятся менее реальными и вызывают все меньше энтузиазма. По мнению правоведа Дэвида Коплоу, возможность внесения поправок в КХО с тем, чтобы разрешить военные применения «нелетального» химического оружия, будь то средства борьбы с беспорядками или инкапацирующие химика-

102 Independent Task Force 2004, *op. cit.* (примечание 84), p. 31.

103 Ibid., p. 32.

104 Ibid., p. 1.

ты, существует только в сфере фантастики¹⁰⁵. Юрист из аппарата начальника военно-юридической службы США признал, что КХО запрещает применение в военных целях успокаивающих химикатов и поставил под вопрос законность любых проявлений интереса к такому инкапаситирующему оружию со стороны военных»¹⁰⁶.

Изменение позиции Рабочих групп СМО не означает, что интерес к применению биологического и химического ОНСД в военных целях и разногласия на этот счет совсем сошли на нет. Некоторые приверженцы ОНСД продолжают настаивать на развитии химического и биологического оружия, которое потребовало бы внесения изменений в международное право¹⁰⁷. Более того, есть даже основания утверждать, что вооруженные силы проявляют интерес к инкапаситирующим химикатам¹⁰⁸. В одном докладе НАТО в качестве перспективной технологии упоминается биологическое оружие, предназначенное для применения против материальных средств¹⁰⁹, хотя КБО запрещает такое оружие¹¹⁰, что, кстати, отмечено в одном из предыдущих докладов НАТО¹¹¹. Выдвигаются аргументы, согласно которым КХО не регламентирует применение малодорантов, что означает возможность их

105 Davison and Lewer 2005, *op. cit.* (примечание 11), p. 26 (комментарии к докладу Дэвида Коплоу, эксперта по правовым вопросам, связанным с ОНСД, на VI Конференции, посвященной оборонительному ОНСД, март 2005).

106 *Ibid.* (здесь приводится точка зрения юриста из аппарата начальника военно-юридической службы США, считающего, что «вероятнее всего, Конвенция о химическом оружии запрещает эти виды (успокаивающие средства) оружия»).

107 Davison and Lewer 2005, *op. cit.* (примечание 11), p. 21 (на Конференции, посвященной оборонительному ОНСД, сторонник «нелетального» оружия Джон Александер заявил, что «к вопросу о химическом и биологическом оружии в отношении ОНСД следует вернуться, потому что международное право, запрещающее их разработку, «устарело»»).

108 Dando, *op. cit.* (примечание 54), p. 17. Одна неправительственная организация обвинила США в тайном осуществлении программы по химическому оружию в нарушение КХО. «US military operates secret chemical weapons program», *Sunshine Project Aerogramme*, No. 200/05, Sunshine Project, 24 September 2002.

109 NATO Research and Technology Organization, *Non-lethal weapons and future peace enforcement operations*, TR-SAS-040, November 2004, pp. 3–6.

110 См., например, *Preliminary Legal Review of Proposed Chemical-Based Nonlethal Weapons*, US Department of the Navy Office of the Judge Advocate General, 30 Nov. 1997, p. 21 («Конвенция о биологическом оружии и еще более четко внутреннее имплементационное законодательство [США] запрещают разработку, производство и хранение биологических агентов, предназначенных для использования в качестве оружия. Широкое договорное определение биологических агентов распространяется на агенты, предназначенные для использования против материальных средств»).

111 См. Committees of the North Atlantic Assembly, *Non-lethal weapons*, Lord Lyell (United Kingdom) General Rapporteur, 18 April 1997, Doc. No. STC (97)3, at § 39 (докладчик заявил, что «применение биологических агентов, делающих топливо инертным, или разрушающих материалы, используемые в технике, не разрешено КБО, даже если такое применение не преследует цели причинения летального ущерба»).

применения военными силами во время вооруженного конфликта¹¹². Высказываются и опасения, что новейшие инкапсулирующие химикаты будут обозначаться как средства борьбы с беспорядками, чтобы правоохранительные цели могли послужить прикрытием для научно-исследовательских и конструкторских разработок по их созданию¹¹³. Кроме этого, растущую озабоченность вызывает так называемое биохимическое оружие, в том числе вещества, которые можно классифицировать как токсины по КБО и как токсичные химикаты по КХО¹¹⁴. Все эти замечания показывают, что международное юридическое сообщество не теряет бдительности по отношению к ОНСД.

Однако сдвиг в позициях лидеров общественного мнения из СМО в сочетании с неустанными усилиями и методично выдвигаемыми аргументами тех, кто скептически настроен по отношению к ОНСД, показывают, что после московского кризиса в дискуссии о взаимоотношениях ОНСД и международного права произошло коренное изменение, которое затронуло биологическое и химическое оружие.

Менее регламентированная сфера: другие технологии ОНСД и международное право

Как показали события в Москве и последний доклад Рабочей группы СМО, серьезные разногласия возникают по поводу работ химиков и биологов, ведущих к созданию ОНСД, и связаны эти разногласия с тем, что международное право регламентирует химическое и биологическое оружие, так сказать, в «концентрированном виде». Другие технологии ОНСД не подвергаются такому пристальному международно-правовому рассмотрению. Ничего похожего на КХО или КБО не существует для кинетического, акустического, электрического, микроволнового или электромагнитного оружия «несмертельного действия», что создает более благоприятные условия для НИОКР. Применяемые нормы МГП и МППЧ носят общий характер (например, оружие

112 Massimo Annati, «Military use of chemical riot control agents: A case for legal assessment», paper presented to the 3rd European Symposium on Non-Lethal Weapons, 10–12 May 2005, Ettlingen, Germany, p. 7 (автор считает, что малодоранты не являются токсичными химикатами по смыслу КХО); Jared Silberman, «Non-lethal weaponry and non-proliferation», *Notre Dame Journal of Law, Ethics and Public Policy*, Vol. 19, 2005, pp. 347–348 (юрист американских ВМС пишет: «На горизонте вырисовывается перспектива применения малодорантов как средства воспрепятствования доступа для неприятеля»).

113 Davison and Lewer 2005, *op. cit.* (примечание 11), p. 26.

114 Neil Davison, «Weapons focus: Biochemical weapons», in *Bradford Non-Lethal Weapons Research Project Report No. 5*, May 2004, pp. 27–34; Wheelis, *op. cit.* (примечание 52), pp. 6–13; Malcolm Dando, «The malign use of neuroscience», *Disarmament Forum*, 2005, pp. 17–24; Kathryn Nixdorff, «Assault on the immune system», *Disarmament Forum*, 2005, pp. 25–35.

не должно причинять излишних повреждений или чрезмерных страданий; запрещение пыток и других форм жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения), а не относятся к какой-либо конкретной технологии. Благодаря этому некоторые из указанных технологий переходят из стадии НИОКР в фазу практической реализации. Хотя по поводу ряда таких технологий и высказывается озабоченность, как, например, в случае с электрошоковым оружием типа Taser¹¹⁵, ничто, напоминающее «фентаниловый туман», не затрудняет исследование этих технологий.

Любопытно, что усилия приверженцев ОНСД направлены, в частности, на то, чтобы избежать чрезмерно «плотной» регламентации соответствующих технологий международным правом. В ноябре 2004 г. Организация НАТО по исследованиям и технологии (RTO) сформулировала следующую рекомендацию: «Чтобы силы НАТО сохранили возможность выполнять поставленные перед ними задачи, государства – члены НАТО должны и впредь проявлять бдительность в отношении появления конкретных правовых режимов, которые без пользы ограничивали бы возможности применения ОНСД»¹¹⁶. Организация НАТО по исследованиям и технологии не выразила открытой враждебности по отношению к роли международного права в том, что касается ОНСД, и даже подчеркнула обязанность государств – членов НАТО проверять законность нового оружия и необходимость определить, насколько адекватно вопрос о применении ОНСД трактуется МПП¹¹⁷. Однако желание избежать появления в будущем международно-правового регулирования конкретных видов оружия указывает на обеспокоенность НАТО в связи с тем, что дискуссия о взаимоотношениях оружия «несмертельного действия» и международного права создала если не импульс, то во всяком случае серьезный интерес к международно-правовому регулированию ОНСД, которое в будущем может стать препятствием для его постановки на вооружение и применения.

Однако данная рекомендация лишь подтверждает главную мысль скептиков: оружия «несмертельного действия» просто не существует. Организация НАТО по исследованиям и технологии в сущности желает, чтобы существующие нормы, применимые к любому новому оружию, охватывали и ОНСД. Иными словами, речь идет о том, чтобы к «нелетальному» оружию применялись те же действующие нормы, что и к обычному оружию. Именно этого всегда добивались скептики. Мо-

115 См. Davison and Lewer 2005, *op. cit.* (примечание 11), pp. 34-41 (здесь содержится обзор разногласий вокруг электрошокеров Taser).

116 NATO Research and Technology Organization, *op. cit.* (примечание 109), p. iii.

117 *Ibid.*, pp. 4-5.

сковский кризис также укрепил точку зрения, подчеркивающую эмпирическую и этическую сомнительность попыток делить оружие на «летальное» и «нелетальное».

В то же время отрицательное отношение Организации НАТО по исследованиям и технологии к специальному регламентированию ОНСД опровергает аргументы его сторонников относительно иной этической природы этого оружия. Если новое оружие по этическим или иным соображениям требует новых норм, которые регулировали бы его разработку и применение, с моральной точки зрения было бы правильно принять новую регламентацию разработки и применения подобных средств в военных целях¹¹⁸. Коль скоро приверженцы ОНСД утверждают, что оно этически отличается от других видов оружия, регламентация которого базируется в моральном плане на действующих нормах МПГ и МППЧ, противодействие принятию новых норм, которые обеспечивали бы практическое регулирование вопросов, связанных с появлением новых оружейных технологий, чтобы повысить эффективность боевого применения оружия, представляется сомнительным с этической точки зрения.

Отметим, справедливости ради, что рекомендация Организации НАТО по исследованиям и технологии относительно нежелательности появления новых конкретных международно-правовых режимов касается только тех из них, которые «без пользы» ограничивали бы применение ОНСД в военных целях. Однако в связи с этим возникает вопрос: что считать «полезным» или «бесполезным» ограничением эффективного с военной точки зрения использования того или иного оружия. Последствия московского кризиса, в частности тот факт, что было дано толкование положения КХО о правоохранных целях, иллюстрируют пользу конкретного международно-правового регулирования оружейных технологий. Противоречие, в которое вступают уроки московских событий и желание некоторых приверженцев «нелетального» оружия не допустить более детальной международно-правовой регламентации технологий ОНСД, – просто еще одно проявление старого противоречия между военной необходимостью (определяемой технологией) и этическим началом (в лице гуманитарного права), противоречия, которое МПГ пытается разрешить по крайней мере с конца XIX века. В рамках продолжающейся дискуссии о взаимоотношениях ОНСД и международного права приверженцам «нелетального» оружия и скептикам придется вплотную заняться этим старым проти-

118 Классическим примером такой динамики является развитие запрещения применять ослепляющее лазерное оружие.

воречием на фоне развития технологий, которые обещают в корне изменить природу войны и военное искусство.

Заключение

Дэвисон и Льюер пишут, что на представительной конференции, посвященной оружию «несмертельного действия», которая состоялась в марте 2005 г., приверженцы этого оружия жаловались на то, что «проигрывают на поле пиаровской баталии» за ОНСД из-за нападков скептиков и СМИ¹¹⁹. Особо они были разочарованы тем, что критики и журналисты «просто не понимают, о чем говорят»¹²⁰. В 2004 г. рабочая группа СМО по «нелетальному» оружию пришла к заключению, что «есть мало свидетельств того, что значение и революционизирующие применения оружия «несмертельного действия» по достоинству оцениваются руководством Министерства обороны. Несмотря на локальные успехи, ОНСД так и не стали магистральным направлением оборонного мышления и политики в области закупок вооружения»¹²¹.

Разочарование сторонников ОНСД в связи с топтанием на месте отражает трудную для них ситуацию, сложившуюся в результате действия ряда факторов, в том числе и инцидента в Москве в октябре 2002 г. Московские события оказали отрезвляющее действие и на приверженцев ОНСД, и на скептиков. Обеим сторонам пришлось пересмотреть свои посылки и аргументы, чтобы подготовиться к непростому будущему, особенно в том, что касается роли международного права. Эпизод с фентанилом поставил и приверженцев ОНСД, и скептиков перед лицом суровой реальности, заставив их осознать, что дальнейшее развитие «нелетального» оружия будет разворачиваться в совсем другом контексте.

Разочарование сторонников ОНСД, проигрывающих в пиаровской битве, объясняется не только неумением организовать успешный «маркетинг». Среди военного руководства очень распространен скептический взгляд на полезность такого оружия. Кроме этого, как показали события в Москве, есть целый ряд крайне серьезных вопросов к тем, кто утверждает, что указанное оружие является «нелетальным» и обладает каким-то особым этическим статусом в силу использованной технологии, а не юридических и этических принципов, обуславливающих поведение тех, кто это оружие применяет. Аргументы, которые сторонники ОНСД приводили во второй половине 1990-х годов, чтобы

119 Davison and Lewer 2005, *op. cit.* (примечание 11), p. 21.

120 *Ibid.*

121 Independent Task Force 2004, *op. cit.* (примечание 84), p. 8.

возбудить интерес к этому оружию, со ставшей более требовательной аудиторией больше не срабатывают, и уже не раздаются даже из клана сторонников требования внести поправки в КХО и КБО, поскольку теперь их принято считать либо умозрительно-провокационными, либо просто опасными для развития других технологий.

Суть происшедшего в Москве стала вызовом и для скептиков. Как показал предпринятый в настоящей статье подробный анализ реакции на нападение террористов, которому подвергся московский театральный центр во время показа мюзикла «Норд-Ост», объектом более пристального внимания стало положение КХО о правоохранных целях, важность которого более чем очевидна в свете указанной реакции. Далее, сохраняющийся интерес ко многим небιологическим и нехимическим технологиям ОНСД означает, что дискуссия о взаимоотношениях «нелетального» оружия и международного права растянется еще на много лет, но касаться будет технологий, разработка и применение которых не являются предметом договоров в области контроля над вооружениями. После московского инцидента следующим серьезным тестом станут технологические прорывы в разработке более совершенных кинетических, электрических, акустических, микроволновых или электромагнитных видов оружия, когда их развертывание и применение дадут новый эмпирический материал¹²².

В результате московских событий был признан тот факт, что у «нелетального» оружия есть своя «ниша». Подобная тенденция уравновешена потребностью применить, прояснить и укрепить параметры, заданные международным правом, будет характерна и для будущих взаимоотношений между ОНСД и международным правом, когда вызреют более совершенные технологии. Короче говоря, уроки московского инцидента показывают, что быстрый технический прогресс станет вынуждать международное право проявлять повышенное внимание к вопросам разработки и применения вооружений. Только происходить это будет в более политизированных формах и будет сопряжено с постановкой более сложных юридических и этических проблем по сравнению с тем, как обстояло дело в прошлом с применением международного гуманитарного права к технологиям, специально созданным для того, чтобы убивать и разрушать.

122 См. Steven Komarow, «Pentagon deploys array of non-lethal weapons», *USA Today*, 24 July 2005, на сайте http://www.usatoday.com/news/world/iraq/2005-07-24-nonlethal_weapons_x.htm (последнее посещение 27 июля 2005 г.). В настоящее время вероятность быстрых прорывов снижается из-за недостаточного финансирования. Что касается США, операции, проводимые в Ираке и Афганистане, отрицательно сказываются на перспективах поддержки Министерством обороны программ разработки технологий ОНСД. Поэтому бремя НИОКР придется нести частному сектору. См. Davison and Lewer 2005, *op. cit.* (примечание 11), p. 22.